
КАТЕГОРИИ «КЛАССОВ» И «СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП» В ТРУДАХ ИСТОРИКОВ ФРАНЦИИ И СССР

НЕПОСТИЖИМАЯ ИСТОРИЯ ОРМЭ

К. Бланки

В течение пяти лет, с 1648 по 1653 г., Франция жила в состоянии гражданской войны – факт, который историки долгое время не решались признать. Так ведь не было тому подтверждения, то есть «соответствующих отзывов в литературе», – сетует Юбер Карье и возлагает ответственность в первую очередь на «Век Людовика XIV»¹. Стало быть, во всем виноват Вольтер? Возможно, он действительно поспособствовал созданию столь незатейливого образа Фронды, но немалую лепту внесли и «Мемуары» кардинала де Реца с их романтическими персонажами (одна герцогиня де Шеврез чего стоит!) и театрализованными развязками.

Так или иначе, историки не спешили этот образ исправлять, и нельзя с уверенностью сказать, что в настоящее время мы располагаем «Историей Фронды», достойной называться таковой. Труд предстоит нелегкий, время обобщений и выводов еще не настало. По поводу определенного артикля: *la Fronde* (или «Фронда с большой буквы, единственная и неповторимая». – *Примеч. пер.*). Это *la* звучит не так уж бесхитростно: французы говорят *la Fronde* точно так же, как *la Commune* (Коммуна), и подразумевают в обоих случаях «парижская». Однако провинции в ту пору не были сторонними наблюдателями, а Бордо даже имеет право претендовать на статус второй столицы Фронды, просто Фронда там именовалась «Ормэ» – по названию одной из мятежных фракций в сообществе горожан. Допустимо ли рассматривать события в Париже и Бордо в рамках одного исторического движения, или же они представляют собой параллельно возникшие феномены? Как нам обозначать «парижскую Фронду» и «фронду провинциальную»? Какой периодизации придерживаться при анализе последней? Хронология Ормэ ограничивается 1651–1653 гг., при этом Бордо еще в 1649-м прошел фазу Парламентской фронды, а затем, в 1650-м, его накрыло волной Фронды принцев – принцесса Конде обратилась тогда

Кристоф Бланки, Центр исторических исследований, Париж.

¹ *Carrier H. La presse de la Fronde (1648–1653) : les mazarinades. Genève, P., 1989–1991. T. 1. P. 7.*

к бордосцам за помощью во время пленения родственников², – и первые мятежные выступления ормистов связаны как раз с этими двумя ранними этапами. Чтобы четко обрисовать специфику бордоских событий, приходится постоянно вырывать их из контекста. Как этого избежать? Какова роль местных факторов, и в чем влияние этого рода революционного вируса, который витал в ту пору над Европой от Англии до Неаполя³, повсюду вызывая «воспалительный» процесс, подрывавший основы королевской власти?

Современная историография Ормэ представлена лишь несколькими именами и всего тремя университетскими монографиями. Первая полноценная история Ормэ написана американцем – Сэмюэлем Уэстричем. Французский перевод его труда, опубликованный в 1973 г., и поныне остается самым толковым и фундаментальным изданием, посвященным гражданской войне в Бордо⁴. Гельмут Кёттинг попытался привлечь внимание к социальной составляющей бордоской фронды, однако не предложил методологии для ее исследования⁵. Эккарт Бирнштил, со своей стороны, отдал дань «мазаринадам» – опираясь на них, он проанализировал политическую ситуацию тех времен⁶. Касающиеся Ормэ рассуждения Ива-Мари Берсе в монографии о народных восстаниях первой половины XVII в. на юго-западе Франции⁷ еще более аксиоматичны и, к тому же, пропитаны духом Мунье. Последнее относится и к работам Франсиса Луаретта – как к его вкладу в «Историю Бордо», так и к статьям, включенным в сборник 1998 г.⁸ В общем, новейшая историография закрывает глаза на Ормэ, или, вернее, поглядывает на нее лишь краем глаза. Так, Кристиан Жуо в своем эссе о «мазаринадах»⁹ посвящает Ормэ захватывающие главы, но не видит в ней самоценного объекта исследования, и стремится, прежде всего, показать, что изучение и правильное истолкование «мазаринад» может привести к верному пониманию истории этой организации. Символично, что американское издание труда Уэстрича и монография Ива-Мари Берсе вышли почти одновременно – соответственно в 1972 и 1974 г., – но предложенные ими две совершенно разные интерпретации событий

² Принцы Конде и Конти, а также герцог де Лонгвиль, их зять, были арестованы 18 января 1650.

³ *Richet D. Révolution anglaise et révolutions française 1640–1789 // De la Réforme à la Révolution. P., 1991. P. 453–480.*

⁴ *Westrich S.A. L'Ormée à Bordeaux, une révolution pendant la Fronde. Bordeaux, 1973.*

⁵ *Kötting H. Die Ormée (1651–1653). Gestalten Kräfte und Personen Verbindungen der Bordelaise Fronde. Münster, 1983.*

⁶ *Birnstiel E. Die Fronde in Bordeaux, 1648–1653. Frankfurt-am-Main, 1985.*

⁷ *Bercé Y.-M. Histoire des croquants. Etude des soulèvements populaires au XVIIe siècle dans le sud-ouest de la France. Genève, 1974.*

⁸ *Loirette F. Assujettissement politique et émotions populaires // Bordeaux de 1453 à 1715 / Sous. dir. R. Boutruche. Bordeaux, 1966. P. 315–347 ; L'Etat et la région : l'Aquitaine au XVIIe siècle. Bordeaux, 1998.*

⁹ *Jouhaud C. Les mazarinades : la Fronde des mots. P., 1985.*

мирно сосуществуют и поныне. Спор Поршнева и Мунье также ничем не закончился. А между тем терминология научной полемики заметно эволюционировала, и теперь уже мало кого шокирует возможность свести позицию Мунье к ложному силлогизму: 1) общество Старого порядка – это сословное общество; 2) сословия не есть классы, следовательно 3) при Старом порядке не было классовой борьбы. Сам Мунье слишком хорошо понимал суть исторической науки, чтобы не смешивать интеллектуальный багаж изучаемой эпохи с концептуальным научным инструментарием, находящимся в распоряжении ее исследователя. Пренебрежение историографической полемикой во Франции¹⁰ в итоге существенно обеднило результаты научного анализа и особенно негативно сказалось на исследованиях в области генезиса современного государства, помешав нашим ученым приобщиться к последним достижениям истории урбанизации.

Фронда остается историческим явлением, которое трудно идентифицировать, и первейший долг историка – увидеть этот период, распадающийся на отдельные дни, сражения, альянсы, как единое целое, вычленив взаимосвязь между всеми его составляющими. А чтобы достичь этой цели, нельзя принимать в качестве исходного пункта какой-то один оценочный аспект: к примеру, в перспективе строительства современного государства Ормэ превращается в провинциальный феномен и все бордоское движение выпадает из поля зрения. Так что, прежде всего, зададимся вопросом об условиях возникновения Ормэ как политической фракции. Затем выясним, почему историки не в силах проанализировать ее социальную структуру. И наконец, попытаемся сделать выводы, которые прояснят картину развития муниципального абсолютизма.

От единства к фракциям

Деятельность Ормэ занимает определенный отрезок времени – не менее трех лет. Будучи одной из трех основных фракций третьей бордоской Фронды, Ормэ имеет все основания претендовать на звание представительного органа буржуа столицы Гиени, поскольку именно эта организация воплотила в себе все те идеи, которые озаменовали третью эпоху Фронды.

Рождение организации

Как и во всем французском королевстве, в столице Гиени к началу 1651 г. сложилась странная ситуация. Бордосцы, которые в предыдущем

¹⁰ Эта полемика велась в англосаксонском мире (См.: *Collins J.B. La Bretagne dans l'Etat royal. Classes sociales, Etats provinciaux et ordre public de l'édit d'union à la révolte des bonnets rouges. Rennes, 2006. P. 20–31.*)

году бросили вызов Мазарини, предоставив убежище принцессе Конде и герцогу Энгиенскому, были весьма недовольны тем, что герцог д'Эпернон остался на посту губернатора провинции, и взяли за правило ежедневно проводить сходки в парке Вязов¹¹. Эти собрания продолжались несмотря на запрет, введенный парламентским постановлением от 4 июля 1651 г.¹² Не прекратились они и после того, как принц Конде и герцог д'Эпернон обменялись-таки своими губернаторствами. Историки склонны единодушно согласиться с тем, что уже весной 1651 г. Ормэ превратилась в организацию, объединившую бордоскую буржуазию. Ко времени назначения принца Конде на пост губернатора Гиени большинство ормистов, по мнению Ореста Ранена, были «вероятнее всего буржуа, то есть зажиточными горожанами, и среди них изрядное число составляли члены парламента»¹³. Уэстрич настаивает на том, что Ормэ являла собой «массовое движение, насчитывавшее тысячи активных участников»¹⁴, но вопрос о социальном положении ормистов не ставит. В «мазаринадах» той поры описывается народное ликование во время оглашения состоятельными особами новости о вступлении принца Конде на пост губернатора Гиени, а в Бордо не кто иные, как «наши господа парламентарии» устроили по этому поводу огненную потеху¹⁵. Термин «буржуа», тот самый, который употребил принц Конде в своем первом послании к «господам буржуа из Ормэ», ставшем своего рода официальным признанием этого движения, войдет в обиход позднее. У означенного движения в ту пору не было ни устава, ни четкой организационной структуры, ни программы – ничего, кроме вполне благонамеренных участников. Ормэ тех времен предстает перед нами как эманация буржуазии в отсутствие буржуазных институтов. Лартиг, автор «Хвалебного слова Ормэ», именует себя «одним из членов Ассамблеи господ буржуа»¹⁶. Жофруа Гэ подписывает свое «Благодарственное слово бордосцев господину маркизу де Люзиньяну» так: «Бордо, поляна под вязами, 8 мая 1651». Поскольку мы не располагаем свидетельствами о том, что обсуждалось в этом парке Вязов, нельзя с уверенностью сказать, только ли о событиях местного значения там шла речь. Возможно, горожане говорили исключительно о герцоге

¹¹ По его фр. названию – l'esplanade de l'Ormée – эта фракция и получила своё имя. – *Прим. ред.*

¹² 10 мая 1652 г. очередной эдикт подтвердил действие предыдущего на ту же тему, от 4 июля 1651 г., запретив любые скопления вооруженных подданных и проведение собраний «где бы то ни было, кроме ратуши» (Bibl. nat. fr. Ms Fr. 22377. F^o 102).

¹³ *Ranum O.* La Fronde. P., 1995 (New-York, 1993). P. 282.

¹⁴ *Westrich S.A.* Op. cit. P. 54.

¹⁵ *Gebelin F.* Récit de la Fronde à Bordeaux // *Revue historique de Bordeaux.* Т. 8. P. 5–17, 195–209, 261–271; Т. 11. 1918. P. 171–181, 230–245, p. 174.

¹⁶ *Apologie pour l'Ormée par un de l'assemblée de Messieurs les Bourgeois, dédiée à Mgr le Pce de Conti.* S.l. n.d. Эскарт Бирнштилль опубликовал полный текст в приложении к своей книге.

д'Эперноне, чье место на посту губернатора занял принц Конде, и о ближайших выборах в жюраду¹⁷. А возможно, толковали о фискальных эдиктах, войне с Испанией, политике регентши, действиях герцога Орлеанского и о том, не пора ли вновь созвать Генеральные штаты.

Возникшее после примирения в сентябре 1650 г., Ормэ уже весной 1651-го приобретает четкие очертания и политический вес, достаточный для того, чтобы чуть позже принц Конде удостоил ее своим посланием¹⁸. Уже в этот период затишья на фронтах гражданской войны Ормэ всецело отражает настроения бордоской буржуазии, что позволяет ее идентифицировать как самостоятельное движение, однако, что примечательно, на это никто не обращает внимания, как будто бы Ормэ начала свое существование лишь с назначением принца Конде на пост губернатора Гиени, то есть в 1652 г. Именно тогда произошла «реактивация Ормэ»¹⁹. Автор рукописи, хранящейся в архиве Национальной библиотеки Франции под номером 25026, действительно свидетельствует о некоторых сдвигах: 26 февраля 1652 г. «простой люд», недовольный парламентом, собирается под вязами, чтобы обсудить тех, кто заподозрен в симпатиях к Мазарини²⁰. 14 мая парламент издает очередной эдикт, запрещающий народные собрания. Однако определению Ормэ как мятежной организации, объединившей народ, или «простой люд», пока не хватает убедительности. Тот же свидетель эпохи рассказывает, что, когда парламент выступил против массовых сходок, ормисты «не замедлили пройтись по городу с оружием в руках, под барабанную дробь, выкрикивая: “Да здравствуют король, принцы и никаких Мазарини!”», и все видели, что народ на их стороне». Получается, что парламенту противостоит Ормэ, которую поддерживает народ, а если ормисты таким образом обособлены от плебса – значит, они принадлежат к буржуа, то есть их материальное положение соответствует принятому в Бордо имущественному цензу²¹.

В 1649 г. бордоский парламент занимал лидирующую позицию в местной политике и даже сумел одержать верх над жюрадой, которая была слишком преданна герцогу д'Эпернону, чтобы вступать в соглашение с фрондерами. Прибытие в Гиень принца Конде летом 1651 г., на первый взгляд, вернуло прежнюю расстановку сил, с той лишь

¹⁷ Городское правление, муниципалитет на юго-западе Франции – *Прим. пер.*

¹⁸ Оно датировано 18 июля 1651 г. Несмотря на всю свою историческую значимость, это послание было одним из многих, направленных принцем Конде в тот же день гильдиям, цехам и прочим сообществам, чьей поддержкой он хотел заручиться.

¹⁹ *Birnstiel E.* Op. cit. P. 221. Э. Бирнштиль считает, что эта «реактивация» была спровоцирована принцем Конти.

²⁰ *Bibl. nat. Fr. Ms Fr 25026. F° 66 v°.*

²¹ Согласно нормативному акту 1622 г. к буржуа себя мог причислить подданный, владеющий домом стоимостью 1500 ливров и проживший в городе не менее пяти лет.

разницей, что новый губернатор, еще в мае 1650 г. убедившийся в том, сколь важна поддержка народа для победы над политическими противниками (тогда бордоский парламент согласился предоставить убежище принцессе Конде лишь после того, как горожане подняли бунт), участвовал не в местных, а в парижских политических играх. 24 сентября 1651 г. принц явился в парламент Бордо и заключил соглашение о взаимной поддержке. На следующий день он принял бордоских буржуа и тоже предложил им союз. Парламент, высший судебный орган в городе, вынужден был этот союз утвердить – себе в ущерб, как выяснится на следующий год, когда Ормэ потребует изгнания парламентских советников, заподозренных в симпатиях к Мазарини. Распустить Ормэ бордоские магистраты не могли, поэтому нашли решение, не противоречащее духу городских институтов, и 12 июня 1652 г. учредили «Палату ста тридцати» – она была не столь многочисленна, а значит, поддавалась контролю легче, чем Ормэ, в которой городские гильдии и сословия как таковые не были представлены. «Палата ста тридцати» обновляет союзный договор между буржуа и плебсом, призывает горожан подчиняться воле губернатора Конде, делает уступку ормистам, обязав должностные лица отчитываться в своих действиях перед представителями всех городских корпораций, но при этом издает любезный сердцу магистратов указ о запрете любых собраний, если на них нет разрешения «власти общества и высшего суда». Парламент таким образом создает условия для компромисса и требует восстановить в должности советников, чьей отставки добилась Ормэ.

Компромисс 12 июня 1652 г. знаменует собой поворотный момент: отныне Ормэ отмежевывается от гильдии бордоских буржуа. Кейрак – фрондер, но антиормист – свидетельствует о расколе среди бордосцев: «...и что всего хуже, много месяцев назад появилось у нас некое собрание людей, назвавшихся членами Ормэ»²². Формулировка Кейрака подчеркивает, что Ормэ продолжала брать не умением, а числом, однако самоутверждается она на политической сцене за счет побед над высшими органами городского управления – парламентом и жюрадой, которые как раз призваны выражать интересы бордоской буржуазии. Ормэ бросает вызов парламенту: когда тот пытается ее упразднить, она издает мазаринаду в форме ордонанса «за подписью Ормэ, и многие к тому руку приложили»²³. Ормэ насмехается над авторитетом жюрады, отказываясь подчиняться приказу Гиро, члена городского правления, который хотел разогнать собрание ормистов утром 24 июня, а вечером того же дня ормисты захватывают ратушу после того, как Малая фронта попыталась стереть Ормэ с политической карты Бордо.

²² *Gebelin F.* Op. cit. P. 236. В 1653 г. Кейрак обличает уже «неблагодумных и ярых сторонников д'Эпернона» (P. 240).

²³ *Le manifeste des Bourdelois, contenant le recit veritable de ce qui s'est passé dans la ville de Bordeaux les XIII et XIV du courant passé.* P., 1652. P. 5

Фракция Конде

«Ормэ предстает в свете исторической науки как ультралевое крыло партии Конде», – считает Косман. Хронология действительно свидетельствует о том, что, после заключения альянса с принцем, Ормэ перестает быть истинным союзом бордоских буржуа и превращается в мятежную фракцию. Альянс этот родился весной 1652 г. как следствие отказа ормистов и дальше признавать верховенство парламента. Решение ормистов выглядит вполне логичным в том случае, если они и в будущем собирались поддерживать Конде, который искал этого союза со времени своего приезда в Бордо: «Уверен, ваша добрая воля не иссякнет и вы дойдете до конца, ибо в ваших собственных интересах всеми силами продолжать то, что вы начали делать для моего блага»²⁴, – писал он.

С той поры Бордо, как и Париж, раскололся на три фракции. В Гиени их называли Малой фрондой, Большой фрондой и Ормэ. Малая и Большая фронды со всей очевидностью являются наследницами дела парламентской Фронды 1649 года: общность политических установок налицо. Однако обе бордоские фракции однозначно отличаются от «угодников» – советников, послушных Мазарини и д'Эпернону. Так, 24 июня 1652 г. члены Малой фронды пытаются добиться изгнания самых мятежно настроенных ормистов, заявляя, что «среди них затесались мазаринисты и подпевалы д'Эпернона»²⁵. Конде же видит в них «лучших друзей»²⁶. Малая фронда практически совпадала с сообществом магистратов, а тем по долгу службы надлежало принять сторону короля – следовательно, рано или поздно пойти на компромисс с его министром. Логика такого развития событий настолько ясна, что остается лишь удивляться их стойкой неприязни к Мазарини, над которым они уже одержали верх в 1649 г. Та же логика призвана была определять и действия Большой фронды, но не определяла – отсюда недоумение в обществе по отношению к ее членам: «странные они люди, капризные, на вид свирепы и мнят себя великими республиканцами»²⁷. Ленет, глава партии принцев в Бордо, разделяет это недоумение перед «химерами» Большой фронды. Такая позиция современников не дает возможности увидеть в разногласиях Малой и Большой фронд оппозиционную борьбу правого и левого крыла одной партии.

Ормэ единственная из трех бордоских фракций не институционализована. Она являет собой стихийный *universitas*, объединивший почти всех представителей одной социальной группы – бордоской

²⁴ Condé à Messieurs les bourgeois de l'Ormée, 18 juillet 1651. – Archives historiques du département de la Gironde. Т. 6. P. 295–296.

²⁵ Cosnac G.-J., de. Souvenirs du règne de Louis XIV. P., 1866–1882. 8 vol. Т. 3. P. 336.

²⁶ Condé à Lenet, 3 juin 1652. – Bibl. nat. Fr. Ms Fr 6707 f° 149.

²⁷ Цит. по: Kötting H. Die Ormée. P. 142.

буржуазии, – но не получивший при этом законного доступа к власти и возможности отстаивать свои интересы из-за противодействия герцога д'Эпернона, который продолжал оказывать давление на жюраду. В феврале 1653 г., в день крещения герцога Бурбонского, второго сына Конде, ормисты просят, чтобы в праздничном шествии не принимали участия городские корпорации, ибо нет таковых в Бордо, кроме их собственной, которую «составляют все сословия, как дворянское, так и прочие»²⁸. Однако бордоская политическая игра выстраивается отнюдь не вокруг Ормэ. 24 июня 1652 г. ознаменовалось не только провалом попытки Малой фронды уничтожить Ормэ, но и неудачей самой Ормэ, стремившейся выгнать Малую фронду с игрового поля, – ормистам не позволили это сделать сторонники принца Конде. С того дня бордоская политическая жизнь сосредоточилась вокруг альянса, куда вошли верные принцу парламентарии из двух фронд и одна или несколько подфракций Ормэ. А Ленет с самого начала подготовки выборов в жюраду в 1652 г. озаботился назначением в «совет сведущих людей» таких избирателей, которые «верны Вашему высочеству».

В бордоской жюраде насчитывалось шестеро членов. Каждый год «совет сведущих людей» избирал на двухлетний срок одного дворянина шпаги или мантии, одного адвоката и одного купца. Такое ежегодное обновление половины состава жюрады исключило для Ормэ возможность в 1652 г. получить контроль над этим органом городского правления, тем более что представитель дворянства принадлежал к партии Конде. Выборы, тем не менее, упрочили альянс между партией принцев и ормистами. Конде издал особый указ о надлежащем исполнении процедуры – новые члены жюрады были избраны двадцатью четырьмя «сведущими людьми», из числа которых двенадцать оказались ормистами, под наблюдением эмиссаров парламента. Ленет от души поздравил себя с результатом: для него это была «несомненно наиважнейшая победа»²⁹. Задачу сторонникам Конде существенно облегчили влиятельные ормисты. Тодиаз, преданный принцу глава жюрады, отписал своему господину, что «Виллар, Дюртест и их приспешники прекрасно выполнили свой долг и, несомненно, будут и дальше действовать во благо Вашего высочества»³⁰. Исход выборов усилил влияние партии Конде благодаря назначению двух лояльных принцу ормистов на место представителей Малой фронды, чья поддержка отнюдь не была гарантирована. Конде понимал, что ормисты ему необходимы для того, чтобы «довести до конца» борьбу против Мазарини, понимал настолько хорошо, что даже готов был уступить им жюраду, но и ормисты, со

²⁸ Archives historiques du département de la Gironde. T. 7. P. 273.

²⁹ Lenet à Condé, 1er août 1652. – Bibl. nat. Fr., Ms Fr 6709. F 2.

³⁰ Thodias à Condé, 1er août 1652. – Blanquie C. Une vie de frondeur, le chevalier de Thodias (1616–1672). Coutras, 2001. P. 126.

своей стороны, отлично осознавали, что им нужно покровительство Конде для действенного участия в делах Бордо. В итоге этот альянс позволил ормистам занять важное место в общественной жизни, однако увеличение политического веса Ормэ не могло не сказаться на прочности ее буржуазного фундамента.

О невозможности анализа социальной структуры Ормэ

Как только буржуазное единство дало трещину, и Ормэ превратилась в политическую организацию, возник вопрос о ее социальном составе. Каково же было общественное положение тех, кто любил прогуливаться под сенью вязов?

Социологическая полемика

«И появилось в Бордо сборище, самое что ни на есть бунтарское, объединившее сплошь простолудинов; первую сходку они устроили в доме, известном как “Ормэ”, отчего и взяли себе такое название», – пишет герцогиня Немурская в своих «Мемуарах»³¹. Раз уж она ошибается в месте сходки («Ормэ» – не дом, а вязовая роща близ церкви Св. Евлалии), стоит ли верить ее социальным дефинициям? Все дело в том, что весной 1652 г. вопрос об общественном положении ормистов сделался аргументом в политической полемике, а потому «намеренно создавался образ, занижающий [их] социальный статус»³². «Бордоский вестник» изобличает плебейскую сущность Ормэ. Пересуды вокруг происхождения ормистов позволяют смешать их с мятежным плесом, а Ле Бретон, один из предводителей Ормэ, которого Фийо, противник и жертва ормистов, отрекомендовал как «человека с дурной репутацией, хоть и из хорошей семьи», оказывается всего лишь исключением, подтверждающим правило. Показательно, что подобные разоблачения чаще всего сопровождаются ассоциированием Ормэ с простонародным кварталом Сен-Мишель, а Малой фронды – с кварталом Шапо-Руж³³, как будто Ормэ набирала людей только среди ремесленников, а все советники парламента квартировали исключительно на аллее Шапо-Руж. Во время выборов в жюраду в 1652 г. сторонники Конде изо всех сил старались добиться назначения людей

³¹ Mémoires de Marie d'Orléans duchesse de Nemours (1625–1707). Цит. по : Lettres inédites de Marguerite de Lorraine / Éd. M. Cuénin. P., 1998. P. 180.

³² Descimon R., Jouhaud C. De Paris à Bordeaux : pour qui court le peuple pendant la Fronde (1652) // Mouvements populaires et conscience sociale, XVIe–XIXe siècles / Éd. J. Nicolas. P. 37.

³³ В Шапо-Руж жили шестеро парламентариев со своими семьями, но их концентрация была гораздо выше на рю де Труа-Коний, рю дю Мирай и рю дю Парлеман (*Le Mao C. La fortune de Thémis. Vie des magistrats du parlement de Bordeaux au Grand Siècle. Bordeaux, 2006. P. 79–83.*)

состоятельных, в начале июля Ленет писал принцу о том, что ормисты сами признают: среди дворян в их рядах «нет ни достаточно богатых, ни достаточно способных»³⁴, и хотят протолкнуть более достойных кандидатов – из судейского сословия и купечества, однако представители парламента делают вид, что они знать не знают адвоката Робера, хотя его отец заседал в ратуше.

«Чтобы оценить социальную окраску мятежников, нужно дожидаться апреля 1652 г., и примерно того же временного периода в Париже», – отмечает Юбер Карье³⁵. Автор «Хвалебного слова Ормэ» может сколько угодно игнорировать «извечную войну, что ведется во всех сословиях между теми, кто достиг высокого положения и теми, кто его не достиг», стратегия социальной дискредитации, взятая на вооружение противниками Ормэ в ту пору, когда ормисты вступили в открытый конфликт с Малой фрондой, оказалась все же весьма эффективной. Проормистскому «Вестнику Гиени» пришлось даже напомнить читателям, что все состоятельные люди участвуют в совещаниях Ормэ. Вероятно, именно так и было, причем длительное время, поскольку одним из событий, предшествовавших капитуляции Бордо перед королевскими войсками в июле 1653 г., стало собрание в здании биржи – это означает, что, даже если политическая реальность и позволила новым людям выйти на авансцену, то почти до самого конца в рядах Ормэ состояли также и богатые купцы.

«Были там главным образом ремесленники, но среди них попадались и особы более высокого звания», – заверяет Бошрон де Порт, историк бордоского парламента, и предупреждает: «Тот, кто разбудит дремлющий в определенных слоях общества инстинкт неподчинения и скрытое недовольство, не останется безнаказанным»³⁶. По его примеру часть историографии упрекает Ормэ в незначительности социального происхождения ее членов: Дюртеста, одного из ормистских вождей, Бошрон де Порт, к примеру, делает бывшим мясником, что, как отмечает И.-М. Берсе, не может не напомнить о мрачной репутации другого мясника – Кабоша³⁷. Более рассудительный Камиль Жюлиан описывал этакое братство, участники которого, «как и те, кто потом будет делать Революцию», принадлежали к средней буржуазии: «Плебс был им так же чужд, как и настоящая аристократия»³⁸. Луи Мадлен не колеблясь призывает обратить внимание на республиканские тенденции и популистский дух Ормэ, в которой видит прототип народных обществ

³⁴ Bibl. nat. Fr. Ms Fr. 6708. F^o 6.

³⁵ *Carrier H.* Le labyrinthe de l'Etat. P., 2004. P. 598.

³⁶ *Boscheron des Portes.* Histoire du parlement de Bordeaux. Bordeaux, 1877. 2 vol. T. 2. P. 151, 144.

³⁷ *Bercé Y.-M.* Histoire des croquants. T. 1. P. 513.

³⁸ *Jullian C.* Histoire de Bordeaux depuis les origines jusqu'en 1895. Bordeaux, 1895. P. 491.

времен Революции: «Мелкие буржуа, отставные офицеры, адвокаты и коммерсанты – этим людям удалось подчинить себе плебс и командовать им»³⁹.

Кампания социальной дискредитации ормистов сильно повлияла на историков, даже на тех, кто не дал себя обмануть. Допустим, теперь и речи быть не может о том, чтобы представить ормистов как «бродяг, опасный сброд, отбросы общества, жулье» и т.д., но сравнивает ли их кто-нибудь с парижанами, участвовавшими в событиях 26–28 августа 1648 г., и признает ли в них «элиту, а равно широкие круги купечества и ремесленного люда»⁴⁰? Ф. Луаретт хоть и подчеркивает «главную роль народных элементов», считает ормистов «представителями мелкой и средней буржуазии»⁴¹. По мнению Мишеля Перно, Ормэ «объединяет судебных чиновников низших рангов, адвокатов и прокуроров, а также множество мелких буржуа, купцов, ремесленников, лавочников и несколько пламенных проповедников»⁴². Для Уильяма Бейка ормисты – это горожане, достаточно уважаемые, чтобы обидеться, если какое-то важное решение будет принято без их участия, и достаточно незначительные, чтобы в обычное время их держали подальше от власти⁴³. Уэстрич же представляет ормистских вождей как класс, вышедший из народа, – «этим объясняется не только их революционное рвение, но и глубочайшая враждебность к ним со стороны тех, на чьи позиции в обществе они претендовали». Однако Ормэ, о которой он говорит, уже не та организация, объединявшая «тысячи активных участников»: есть с одной стороны буржуазное единство весны 1651 г., своего рода идеальный союз, создавший программу ормистов, а, с другой стороны, возникшая позднее мятежная фракция, стремившаяся парадоксальным образом этот союз сохранить. Уильям Бейк констатирует уважительность ормистов, но единодушен с Уэстричем в желании показать их как людей новой формации. Берсе на этом основании делает вывод о замедлении социальной мобильности⁴⁴: ормисты в ту пору, по его мнению, были добропорядочными буржуа на пути к обогащению, однако росту их благосостояния препятствовали муниципальные условия. Здесь мы снова возвращаемся к спору Поршнева и Мунье, поскольку представить ормистов выходцами из среды, стремящейся к обогащению и наталкивающейся на сопротивление

³⁹ Madelin L. Une révolution manquée, la Fronde. P., 1931. P. 323.

⁴⁰ Le Roy Ladurie E. Réflexions sur la Fronde // La vie, la mort, la foi. Mélanges offerts à Pierre Chaunu / Éd. J.-P. Bardet, M. Foisil. P. 729.

⁴¹ Loirette F. Assujettissement politique. P. 341–342.

⁴² Pernot M. La Fronde. P., 1994. P. 331.

⁴³ Beik W. Urban protest in seventeenth-century France. The culture of retribution. Cambridge, 1997. P. 246.

⁴⁴ Bercé Y.-M. La mobilité sociale, argument de révolte // XVIIe siècle. 1979. N° 122, janvier–mars. P. 61–71.

держателей денег и власти, – значит оказаться перед необходимостью ввести понятие «классы» в сословное общество.

Буржуа как буржуа

Ситуация, вызванная решением Людовика XIV изъять из регистров страницы, посвященные смуте, которая разыгралась в стране в пору его несовершеннолетия, усугубилась пожаром в Бордо, уничтожившим в 1862 г. муниципальный архив. Теперь для воссоздания ежедневной политической практики в годы существования Ормэ мы выполняем лишь обрывками уцелевших в огне документов, а потому выводы о революционности или нереволлюционности этой организации во многом будут зависеть от характеристики ее участников. При этом нам не хватает не только документов, свидетельствующих о речевых особенностях ормистов, но и базы для всестороннего социологического анализа Ормэ. Заключение на эту тему, сделанные Уэстричем, частично основываются на скудных сведениях, раздобытых Комюне, издателем «Записок Фийо»⁴⁵. Однако есть и другие, незадействованные, источники: бордоские нотариальные архивы прекрасно сохранились, так почему же они до сих пор не приобщены к делу? Тому виной не только нерасторопность исследователей – изучение этих документов многим казалось попросту бесполезным занятием, поскольку уже готовый и освященный традицией портрет ормистов прочно укоренился в сознании историков. Именно это упущение и обуславливает нашу неспособность свести концы с концами и объяснить, каким образом ормисты умудрились быть одновременно «буржуа на пути к обогащению» и представителями «простого люда».

Редкие работы, посвященные ормистам, призывают покончить с подобными априорными утверждениями. К. Жуо, к примеру, убедительно показал, что Жофруа Гэ, именовавший себя казначеем Ормэ, был состоятельным церковнослужителем, принадлежавшим к обществу самых грамотных людей своего времени. Будучи сыном купца, содержавшего постоянные дворы, он получил прекрасное образование, в 1628 г. стал приходским священником, в 1639 г. отказался от должности и посвятил себя литературному труду⁴⁶.

Пьер де Виллар стоит в одном ряду с ним. Этот вождь ормистов вышел из семьи разбогатевших буржуа, чье положение, однако, было еще довольно шатким. При этом, став адвокатом, сын нотариуса надеялся подняться до уровня людей, претендующих на дворянство. Человек новой формации? Кое-кто из его родственников неплохо

⁴⁵ L'Ormée à Bordeaux d'après le journal inédit de J. de Filhot / Éd. A. Communay. Bordeaux, 1897. Издание мемуаров Ж. Фийо, этого противника Ормэ, остается важнейшим вкладом великих эрудитов XIX в. в историю бордоской фронды.

⁴⁶ Jouhaud C. Mazarinades. P. 194–201.

устроился: среди них один адвокат, один член парламента. К тому же не где-нибудь, а в доме благочестивой сестры Виллара проходят религиозные собрания с участием принца Конти. Благодаря Ормэ, Виллар выбился в первые ряды бордоской буржуазии. Падение Ормэ заставило Виллара распрощаться с городом, с которым были связаны все его амбиции. Протекция Конти обеспечила ему дворянскую грамоту, и он ухватился за возможность попасть в благородное общество главным образом для того, чтобы спастись от последствий своего провала в политике. Но преждевременная смерть покровителя оставила его безоружным перед атаками кредиторов, и, чтобы сохранить последнее имущество, ему пришлось отказаться от своих дворянских притязаний. В конце концов, Виллар, чей старший сын делал карьеру на воинском поприще, служа в полку принца Конде, не сумел обеспечить ни достойное будущее младшему сыну, ни приданое добродетельной дочери. Он вынужден был продать особняк в Бордо и переехать в предместье Сен-Серен. Несмотря на то, что Виллар пользовался покровительством сначала принца Конти, а затем самого Конде, который в итоге пожаловал бывшему ормисту скромную пенсию, он совсем не похож на добившегося ошеломительного успеха дерзкого парвеню, чей образ создал Комюэн⁴⁷. Цена, которую пришлось заплатить бордоскому фрондору за поражение – потеря собственности и состояния, – свидетельствует о том, что он никогда не был «адвокатом без подзащитного», то есть одним из тех, кого в следующем веке будут считать талантливыми людьми, лишенными возможностей для самореализации в обществе, где все расписано и предрешено, а каждая ниша занята.

Неужели ормисты действительно были слишком малозначительными людьми, чтобы получить доступ к власти? Такое объяснение вполне созвучно идее о социальной блокаде, однако совсем не соответствует тому, что нам известно о бордоской политической системе накануне Фронды. На самом деле двери в среду буржуазии были широко открыты, об этом свидетельствуют сами ормисты: 22,3% из тех, о ком удалось найти информацию Уэстричу, получили в течение двадцати лет, предшествовавших Фронде, соответствующие грамоты⁴⁸. Это означает, что один ормист из пяти достиг принятого в Бордо имущественного ценза лишь в последние годы – отсюда и предположение об их противостоянии старым буржуа, сплотившимся в олигархическую группу. Пропорция впечатляющая, однако так ли уж она важна? И новички, и те кто достиг имущественного ценза раньше их, в общем, все 1869 зажиточных горожан, вписанных в «Книгу бордоских буржуа», принадлежат к одному сословию, так называемому

⁴⁷ *Blanquie C. Pierre de Villars, An Ormiste after the Fronde // French History. 2006. № 20. P. 1–24.*

⁴⁸ *Westrich S.A. Op. cit. P. 62.*

«пятому»⁴⁹. Четкие границы буржуазии обозначатся и двери закроются лишь после Фронды, с началом верификации Королевским советом грамот о принадлежности к этому сословию⁵⁰. Следовательно, дата записи в «Книгу бордоских буржуа» не может служить убедительным критерием для того, чтобы отличить ормистов от прочих состоятельных жителей Бордо, а Ормэ нельзя назвать союзом новых буржуа, которых парламентская олигархия держит в стороне от управления городом. Всем своим составом Ормэ продолжает олицетворять ту самую буржуазию, которую она объединила с самого начала. Невзирая на это, Роже Шартье на основе списков, опубликованных Уэстричем, провел сравнительный анализ Палаты ста тридцати, в которой доминировало судейское сословие, и ормистов, в большинстве своем купцов и ремесленников. По его мнению, участие городской олигархии в Ормэ весьма незначительно и «несколько примкнувших [к Ормэ] нотаблей [...] не должны заслонить сугубо мелкобуржуазную основу этого движения»⁵¹. Однако такое умозаключение возможно лишь при наличии двух условий: ормисты должны быть новичками в обществе буржуа, а Палата ста тридцати обязана представлять старую буржуазию.

Хотя предметом обсуждения является исключительно буржуазия, то есть горожане, владеющие собственностью, Кёттинг находит важную информацию при изучении не только социальной географии самого Бордо (здесь его интересуют зажиточные буржуа из квартала Русель и ремесленники из квартала Сен-Мишель), но и населения приходов. Из 25 400 жителей, согласно переписи 1631 года, 8 000 насчитывалось в приходе Сен-Мишель (там же находились 13 из 31 ремесленного цеха) и всего лишь 1000 – в приходе Сент-Круа⁵². Даже при том, что после сокращения численности членов жюрады с 12-ти до 6-ти приходы перестали принимать участие в бордоском самоуправлении, они продолжали поставлять городскому сообществу кадры, которые не находили себе применения в работе муниципальных институтов.

В итоге приходится согласиться с Берсе, подчеркивающим разномобразие социального состава ормистов. Однако является ли это причиной для того, чтобы счесть Ормэ «политическим объединением случайных людей, сравнимым с мятежными группами, по вине которых в городах шли войны Лиги при Генрихе III и Генрихе IV или войны принцев при Людовике XIII»⁵³? Гораздо полезнее задаться вопросом о

⁴⁹ Archives historiques du département de la Gironde. T. 32.

⁵⁰ *Blanquie C.* Institutions bourgeoises, institutions frondeuses // Adhésions et résistances à l'Etat moderne en France et en Espagne 1620–1660 / Éd. A.-M. Cocula, M. Boisson-Gabaronn. Bordeaux, 2001. P. 108.

⁵¹ *Chartier R.* L'Ormée de Bordeaux // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1974. Avril–juin. P. 281.

⁵² *Kötting H.* Die Ormée. P. 47.

⁵³ *Bercé Y.-M.* Histoire des croquants. P. 514.

политических и социальных обстоятельствах союза между сторонниками Конде и бордоскими фрондерами. Последние, если судить по истории Виллара, много потеряли после капитуляции Бордо перед полководцами королевской армии.

Муниципальный абсолютизм и современное государство

Специфика бордоской фронды заключается в прочном союзе буржуа – ормистов, – сплотившихся вокруг принца Конде. Связующую силу этого союза можно считать основополагающей – ее действие прослеживается и в структуре современной Франции.

Видимость генезиса государства нового времени

Спор Поршнева и Мунье касался не столько значения Фронды, сколько подхода к общественно-политическому контексту, в котором действовали фрондеры. По мнению советского историка, если Фронда означает феодализацию некоторой части буржуазии, она при этом вписывается в череду народных восстаний, одновременно являясь их кульминацией и переломным этапом, и отказ буржуазии встать или остаться во главе революционных движений, вызванных усилением налогового гнета, обрекает ее на поражение. Мунье, отрицая революционный характер Фронды, привлекает внимание к войнам, которые велись при Людовике XIII и стали причиной отмены свобод и привилегий, ужесточения налоговых сборов, а затем институционных нововведений. В обоих случаях гражданская война представляется следствием перемен, которые, с тех пор как Ришелье втянул Францию в открытую войну с Испанией, были необходимы для упрочения монархической власти. Кардинал, обуздав высшую знать, одновременно уничтожил наследие феодализма, его стараниями началась эволюция, которая достигла значительного прогресса при Людовике XIV, укрепившем государство.

Эта теория взята на вооружение исследователями генезиса государства нового времени – не даром многие европейские историки, изучающие народные движения, видят в них попытки сопротивления монархии. Такой подход, конечно, позволяет смягчить безапелляционные выводы, к примеру Пьера Губера, и объяснить действия парламентов извечным духом сопротивления, недовольства властью и, как следствие, демократическими устремлениями, а также прийти к заключению, что эти устремления, окрепшие в XVIII в., «внесли вклад в формирование общественного сознания, ослабив в нем государственную идею унификации и модернизации»⁵⁴. Представить Фронду как

⁵⁴ *Nicolas J. L'Etat monarchique face aux résistances en Espagne, en France et dans les vieilles provinces des Habsbourg (XVe–XVIIIe siècles), France // Résistance, représentation et communauté / Sous dir. P. Blicke. P., 1998. P. 108.*

движение сопротивления модернизации государства – значит безоговорочно признать, что существовало некое государство, а это еще нужно доказать, и что был только один доступный способ его построить, иными словами, что парламентская, аристократическая и городские фронды выражают негативистскую идею и что Ормэ – всего лишь «провинциальная и антигосударственная утопия». Однако нельзя забывать, что традиционалистские лозунги зачастую скрывают рождение нового режима, а «какой-нибудь миф о начале всего и вся нередко зовется новшеством»⁵⁵.

Если современное государство и государство Нового времени – понятия тождественные, то, значит, до Французской революции государства не существовало. Допустить возможность существования в ту эпоху некой политической силы, которая целенаправленно вела к появлению известных нам форм управления, – все равно что приписать наши представления о способах реализации власти подданным Людовика XIII и Людовика XIV. Гораздо разумнее исходить из противопоставления центра и периферии (или модернизации и маргинальности) и попробовать поразмышлять о взаимоотношения между подданными и особой суверена. При этом недостаточно теоретически признать важность деления общества на корпорации – необходимо извлечь отсюда выводы, относящиеся к его политической структуре. Вместо иерархического централизованного уклада, утвердившегося во Франции Нового времени, каждая провинция, каждый регион, каждый город, каждая корпорация были своим, особым образом связаны с королем, и в основе этой связи лежали привилегии, признание которых монархом обеспечивало ему верность подданных. С такой точки зрения народные восстания, фронды, показывают, прежде всего, какие нововведения угрожали связи подданных с монархом и какие решения каждое сообщество предлагало, чтобы ее сохранить и упрочить. В этом смысле весьма примечательно поведение французских королевских финансистов: они пытаются защитить свое место в налоговой сфере не за счет ограничения сборов, а благодаря борьбе со злоупотреблениями, оспаривают не размеры талли, а способы, которыми она взимается и которые делают ее невыносимой для населения.

Несмотря на то, что Фронда представлена как единое движение сопротивления централизации власти, анализ данных источников, прежде всего, нотариальных документов, позволяет увидеть существенные различия между сообществами, составлявшими королевство. Вопреки выводам, к которым можно придти, строго придерживаясь интерпретации Мунье, социальные иерархии были отнюдь не одинаковы во всех краях Франции. Иерархические лестницы различались от

⁵⁵ *Descimon R.* Qui étaient les Seize ? Mythes et réalités de la Ligue parisienne (1585–1594). P., 1983. P. 297.

провинции к провинции, от города к городу. Удельный вес знати и духовенства, привилегии, дарованные муниципалитетам, должностные обязанности городских чиновников обуславливали эти различия и, как следствие, большую или меньшую восприимчивость горожан к переменам в королевстве. Могло ли это не проявиться в требованиях фрондеров и городских сообществ? Было бы ошибкой полагать, что принц Конде столкнулся с одной и той же расстановкой сил в Париже и в Бордо. Именно поэтому – из-за разницы социально-политических контекстов – ему удалось, не противореча самому себе, действовать по двум схемам, довольно сильно отличающимся одна от другой. Теперь становится понятно, почему фрондерам так легко было сравнить положение дел в двух городах и почему они поддались искушению мобилизовать парижан, поставив им в пример бордосцев, однако при этом так и не сумели договориться с самими бордосцами о союзе. К. Жуо прав: «мазаринады» не дают возможности воссоздать «идеологию Ормэ»⁵⁶, они лишь позволяют восстановить события, смысл которых нужно искать в другом месте. Неспособность фрондеров к компромиссам можно выдать за пустой эгоизм, но все-таки она обусловлена в первую очередь объективными причинами.

Спор между Поршневым и Мунье так ничем и не закончился, зато заставил всех позабыть про след, указанный Анри Друо, который пришел к выводу о противостоянии внутри самой буржуазии⁵⁷. Выводы Дени Рише между тем подтверждаются данными о положении ормистов: «Лишь когда произошел раскол в верхушке общества, лава из внутренних пластов смогла наконец пробить себе дорогу. Однако путь вверх вскоре был перекрыт, благодаря компромиссу, достигнутому в мире нотаблей»⁵⁸. Это объясняет бесследное исчезновение Ормэ, которая будто бы испарилась из коллективной памяти бордосцев, хотя бывшие ормисты и сохранили тесные отношения, существовавшие между ними в 1651–1653 гг. Эта интерпретация существенно отличается от представления об Ормэ как о муниципальной фронде, внутри которой «в силу сложившихся обстоятельств вспыхнул с новой силой долговременный конфликт, типичный для автономных сообществ, – конфликт патрициата и плебса, крупных буржуа и мелких буржуа, магистратов и народной партии»⁵⁹. Последняя схема никак не согласуется с фактами, которые свидетельствуют о том, что во времена первых двух Фронд случился раскол в среде самого «патрициата», да

⁵⁶ *Jouhaud C. Les mazarinades. P. 208.*

⁵⁷ Робер Десимон подчеркнул справедливость выдвинутой этим историком гипотезы и уточнил ее формулировку. (*Descimon R. Qui étaient... P. 21. Ср.: Drouot H. Mayenne et la Bourgogne. Dijon, 1937. T. 1. P. 340.*)

⁵⁸ *Richet D. La France moderne : l'esprit des institutions. P., 1973. P. 114.*

⁵⁹ *Kötting H. L'Ormée (1651–1653). Dynamique sociale de la Fronde bordelaise // XVIIe siècle. 1984. Octobre–décembre. P. 378.*

такой, что городское правление не устояло. Бордоская фронда в первую очередь выражается в кризисе жюрады, разрывавшейся между своими обязательствами по отношению к губернатору и долгом перед парламентом. В 1649 г. парламент заменил четверых из шести членов жюрады; в 1650 г. адвокат Констан примкнул к придворной партии; в 1651 г. избрание третьего члена⁶⁰ состоялось с опозданием на день.

Подобный раскол нельзя считать бордоским феноменом. Его можно даже назвать обычным и повсеместным явлением, как следует из работ Жерара Делиля. Этот автор показывает, как, с одной стороны, принадлежность к разным партиям разъединяет родственников внутри семьи и как, с другой, семьи не находят компромисса между собой. «В Арле и Марселе ставкой в игре конечно же становится местная власть (контроль над муниципалитетом и финансовыми потоками, которые от него зависят), однако лишь отчасти. В политической и идеологической полемике между противостоящими друг другу лагерями местные вопросы растворяются в общегосударственных, “национальных”», – пишет он⁶¹. Изучая историю консульских семей Марселя на заре Лиги, Фольганг Кайзер выделяет два обособившихся клана, которые вскоре обнаружатся в радикальном крыле, остальные же составляют «запутанный конгломерат. При этом, по крайней мере две группировки вполне отчетливо различимы в начале религиозных войн»⁶². Иными словами, для исторического анализа имеет значение не положение семей, оказавшихся на обочине власти, а раскол среди тех, кто находился в эпицентре политической игры, и «множество вошедших в Ормэ, каковых они называют “народом”, соединены с ними дружескими и родственными узами» – напоминает автор «Хвалебного слова Ормэ»⁶³. Хорошо документированным подтверждением такому расколу в буржуазной среде служат нантский кризис 1631 г.⁶⁴ в другой провинции и либурнский конфликт 1625 г.⁶⁵ в непосредственной близости от Бордо. Мы сталкиваемся с расколом в буржуазной среде, который не так уж легко напрямую связать с развитием практики продажи должностей и появлением разницы в общественном положении их обладателей – разницы, обусловленной привилегиями. Поэтому задача историка состоит в том, чтобы учесть все многообразие социальных групп и охарактеризовать каждую в отдельности с учетом двух уровней выдвигавшихся ими требований. Только тогда мы получим возможность разъяснить причины

⁶⁰ Представителя купечества.

⁶¹ *Delille G. Le maire et le prieur. Pouvoir central et pouvoir local en Méditerranée occidentale (XVe–XVIIIe siècle).* P., 2003. P. 266.

⁶² *Kaiser W. Marseille au temps des troubles, 1559–1596. Morphologie sociale et luttes de factions.* P., 1992 (Göttingen, 1991). P. 157.

⁶³ Цит. по: *Birstiel E.* Op. cit. P. 283.

⁶⁴ *Saupin G. Ville et culture politique au XVIIe siècle : l'oligarchie municipale nantaise en crise en 1631 // Le prince, la ville et le bourgeois / Éd. L. Croq.* P., 2004. P. 157–174.

⁶⁵ *Blanquie C. Libourne ville présidiale* (в печати).

союза между партией Конде и ормистами, не входя в противоречие с тем, что нам известно о политических установках принца.

Буржуазная программа

Сохранение открытого доступа в бордоскую буржуазию при кардиналах-министрах не исключает недоступности жюрады. Число фамилий, подсчитанных Лораном Костом в списках членов муниципалитета, во второй четверти XVII в. сократилось на 20 % по сравнению с первой, так что разрыв между числом мест, предложенных буржуа, и числом тех, кто на них претендовал, увеличился втрое, от дефицита в 9,9% к дефициту в 30,7%. За период 1550–1724 гг. лишь в промежутке с 1625 г. по 1649 г. бордоская жюрада состояла менее чем на половину из людей, чье родовое имя впервые попало в реестр (47,5% против 67,1% в предшествующие десятилетия)⁶⁶. Такие политические изменения имели серьезные социальные последствия: в жюраду входили представители трех сословий, и сокращение штата было куда ощутимее для купечества, чем для дворян и судейских. Этим объясняется и центральное место купцов в полемике по поводу дефиниции буржуазии. Противоречие между неуклонно растущей буржуазией и муниципалитетом, куда новым состоятельным горожанам все сложнее получить доступ, совершенно очевидно – это могли бы засвидетельствовать своим опытом все бордосцы. И противоречие это обусловлено не столько развитием общества и новой моделью поведения главных семей города, сколько постоянным нарушением городских привилегий и давлением со стороны губернатора, которому нужен был «свой», надежный муниципалитет. В том, что бордоская буржуазия в 1649 г. переметнулась в парламентский лагерь, во многом виноват герцог д'Эпернон, поскольку именно с его согласия жюрада была отдана на откуп нескольким семьям. При таких обстоятельствах буржуазной элите ничего не оставалось, как присоединиться к компании рангом пониже под сенью вязов и заняться там обсуждением общественных дел, от которых, как ей казалось (и казалось вполне обоснованно), ее отстранили.

Факты не подтверждают предположение о том, что фрондеры пополняли свои ряды за счет представителей судейского сословия, оставленных не у дел династиями магистратов, захвативших всю власть благодаря государственной практике продажи должностей. Члены парламента, конечно, были далеки от того, чтобы отказаться от участия в делах города, однако на лавры муниципальных чиновников они не претендовали. К тому же, герцог д'Эпернон ставил дворянство шпаги выше офисье, и последние не занимали в ратуше положение столь уж высокое, чтобы вызвать зависть у адвокатов и прочих судейских.

⁶⁶ *Coste L. Messieurs de Bordeaux. Pouvoirs et hommes de pouvoir à l'hôtel de ville, 1548–1789. Bordeaux, 2006. P. 189–194.*

Следовательно, предположение о том, что отстраненные от покупки должностей бордосцы реинвестировали в муниципальный лагерь, то есть встали на сторону единственной силы, которая могла противостоять династиям магистратов, не выдерживает критики. Зато такая ситуация позволяет по-новому истолковать суждения советников парламента о «сведущих людях», избранных в 1652 г.: если большинство из них оказались ормистами, у которых «ни высокородства, ни чинов», буржуа, среди которых нет «ни горожан, ни заслуживших этого звания»⁶⁷, значит до этих выборов они были исключены из той муниципальной игры, что велась при губернаторе д'Эперноне. Парламентарии нападают прежде всего на отсутствие у этих буржуа опыта в общественных делах и на их скромный социальный статус. По правде говоря, есть в этом доля лукавства: как только муниципальная политика стала прерогативой лучших семейств города, дома, отстраненные от власти герцогом д'Эперноном, сразу растеряли всю свою респектабельность.

Столкнувшись с таким положением дел, ормисты предпочли создать буржуазный союз. В «Подлинной истории голубки» Жофруа Гэ описывается круг буржуа «отважных и верных городу, каковые пекутся лишь о славе Господней, служении королю и его высочеству принцу – нашему дражайшему губернатору, да о благе народном», и все это благолепие осенено полетом голубки⁶⁸. «Круг» символизирует стремление не оставить в стороне ни одного буржуа. В этом смысле показательна и программа, заявленная в «Хвалебном слове Ормэ»: «вернуть Бордо бордосцам». Эта установка повлекла за собой недвусмысленные политические выводы, воплотившиеся в «Уставе союза Ормэ». У Д. Рише не вызывает сомнений, что устремления ормистов ограничивались намерением добиться решающего голоса на общегородских собраниях, «и ясно, что они были далеки от фундаментальной критики системы абсолютизма», – заключает он. Юбер Карье, в свою очередь, подчеркивает провозглашенный «Манифестом бордосцев» принцип равноправия голосов и указывает на то, что ормисты ратовали за быстрое и бесплатное правосудие, каким оно описано в этом памфлете, который, по мнению Ранена, «в плане принципов подготовил солидную основу для радикального революционного движения»⁶⁹. Получается, что ормисты, с одной стороны, борются за права буржуа, с другой – хотят восстановить общегородское единство? Речь действительно шла о предоставлении буржуа прав, гарантированных привилегиями Бордо, после чего ормисты собирались ввести практику управления, соответствующую их духу и уровню институционального развития города.

Бордо, сильный своими привилегиями и гордый своим прошлым, не сводится к простому буржуазному сообществу – у него есть и духов-

⁶⁷ Bibl. nat. Fr., Ms Fr. 22377. F° 164.

⁶⁸ Maz. M 13 062.

⁶⁹ Ranum O. Op. cit. P. 283.

ная составляющая, нравственный облик, хранителями которого считали себя высшие судейские чины, прокурор дисциплинарной палаты и секретарь города. Тот факт, что должности эти отправлялись ормистами, доказывает: мучившее буржуа чувство отстраненности от власти было вызвано отнюдь не эволюцией городской структуры – в этом повинна политическая практика, сопутствовавшая развитию муниципального абсолютизма. И ассамблея 19 июля 1653 г. является тому последним свидетельством: Ормэ было упразднено, и прозвучало заявление, что отныне в городе будет только одно сословие, «состоящее из нотаблей-буржуа».

Поведение принца Конде в 1649 г. показывает, что и сам он был не таким уж яростным противником усиления королевской власти. Всё, чего Конде добивался, так это более весомого участия в ее применении, именно с этой целью он поддерживал в Провансе губернатора в противостоянии парламенту, а в Гиени – парламент в противостоянии губернатору. Его политическая линия четко прослеживается и в письмах, которые он рассылал после освобождения из-под ареста и назначения в Гиень. Конде встает в оппозицию лишь потому, что Мазарини, озабоченный растущими запросами высокородного полководца, был вынужден удалить его с поля политической игры, помешав тем самым и дальше извлекать выгоду из законного положения первого принца крови⁷⁰. И что же, с таким человеком и его семьей могли договориться революционеры? Соглашение, достигнутое партией Конде и ормистами, показывает, что между монархом и его привилегированными городами могла сложиться совсем другая система взаимоотношений, не противоречившая укреплению королевской власти. Фронда предложила законный путь выхода из ситуации, на который вступили страны, где сотрудничество короля с подданными заключалось в передаче последней функции реализации целей, преследуемых первым. Муниципальная практика во времена Ормэ вполне соответствует этой схеме: решения представителей буржуа обсуждаются со сторонниками принца, которые в обмен на свои поддержку и одобрение предоставляют им действовать.

Именно в этом направлении должен развиваться социальный анализ Ормэ, а невозможность его завершить в настоящее время менее всего связана с недостатком сведений – она является следствием нашего отказа поместить ормистов в социально-политический контекст, который мог бы объяснить столь долгое существование тесной взаимосвязи между членами альянса, ибо Ормэ исчезла с лица земли за какие-то несколько дней, но память о ней не померкла.

⁷⁰ *Béguin K.* Les princes de Condé. Rebelles, courtisans et mécènes dans la France du Grand Siècle. Seyssel, 1999. P. 95–111.